

Е. А. САМОДЕЛОВА¹

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ П. Г. БОГАТЫРЁВА
В СЕЛО БАВЫКИНО СЕРПУХОВСКОГО УЕЗДА
МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ 1914–1915 гг.:
ИСТОРИЯ И ТЕКСТОЛОГИЯ ПОЛЕВЫХ ЗАПИСЕЙ
(по архивным источникам)**

Рассматриваются текстологические аспекты полевых записей П. Г. Богатырёва, их подготовки к публикации и к сдаче в архив в 1914–1919 гг. Выстраивается текстологическая история тетрадей собирателя, оказавшихся в разных архивных коллекциях.

Ключевые слова: П. Г. Богатырёв, фольклор, текстология, полевые записи, с. Бавыкино Серпуховского уезда Московской губ.

Богатырёв Пётр Григорьевич (1893–1971), специалист в области этнографии и фольклора западных и южных славян; доктор филологических наук (1943). Работал в Полпредстве СССР в Чехословакии (1921–1938), преподавал в Мюнстерском (1931–1932) и Братиславском (1933–1938) университетах. После возвращения в Москву трудился в Государственном литературном музее (1939–1940), в Московском институте философии, литературы и истории им. Н. Г. Чернышевского (1940–1941), в Московском государственном университете (1942–1951), в Институте этнографии АН СССР (1943–1948), в Литературном институте им. А. М. Горького (1952–1954), в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (1952–1963). После преподавания в Воронежском государственном университете (1952–1959) вернулся к чтению лекций в Московском государственном университете, где преподавал до конца жизни. Биография учёного остаётся неполной и нуждается в уточнении.

Уже будучи студентом Императорского Московского университета, П. Г. Богатырёв являлся активным членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) и Московского лингвистического кружка (МЛК), слушал в ОЛЕАЭ доклады Ю. М. Соколова по фольклору и ездил в фольклорные (точнее, фольклорно-диалектологические) экспеди-

¹ Елена Александровна Самоделова — доктор филологических наук, старший научный сотрудник; Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Российская Федерация); helsa@rambler.ru

ции — как самостоятельно, так и в компании с Р. О. Яковсоном и Н. Ф. Яковлевым (в частности в Вере́йский уезд Московской губ. летом 1915 г.) [3, 46].

Экспедиция в село Бавыкино Серпуховского уезда Московской губернии, вероятно, стала первой полевой работой начинающего фольклориста. Туда Богатырёв ездил дважды: на Пасхальной неделе (Светлая седмица в 1914 г. пришлась на 6–12 апреля) и летом того же года. Он два раза называл экспедиционный период в докладе в ОЛЕАЭ: «Всё это лето, т. е. месяца июнь, июль и половину августа, я провёл в селе Бавыкине Серпух[овского] уезда, где собирал народные произведения» [2, 111]; «Весь материал по народной словесности, помещённый здесь и состоящий из сказок, заговоров, загадок и песен, собран мною на Пасхальной неделе, а также в июне, июле и половине августа 1914 года в одном селе Бавыкине Серпуховского уезда Московской губернии» [2, 117].

Летом празднуется Происхождение древ Креста Господня (1 августа 1914 г., пятница), идёт двухнедельный Успенский пост, завершающийся Успением Пресвятой Богородицы (15 авг. 1914 г., пятница). Это время характеризуется наиболее благочестивым поведением христиан и исполнением особого фольклорного репертуара во время поста: именно тогда Богатырёв мог записать и скопировать из рукописей произведения духовного фольклора (в частности «Сон пресвятая владычцы наша Богородицы и присно Девы Марии», «Ерусалимское письмо» и «О 12-ти пятницах»), а также заговоры и приёмы народной медицины). Отражений других православных праздников в собранной П. Г. Богатырёвым фольклорной коллекции не наблюдается. Безусловно, поскольку точных датировок нет, Богатырёв мог списать эти произведения и в июне или июле.

Имеются сведения, что Богатырёв посещал с. Бавыкино и в 1915 г.

Во-первых, в докладе в 1915 г. на заседании ОЛЕАЭ П. Г. Богатырёв отмечал: «Всё это лето, т. е. месяца июнь, июль и половину августа, я провёл в селе Бавыкине Серпух[овского] уезда, где собирал народные произведения. Я уже в прошлом году {в своём докладе}¹ останавливался на местности и населении Бавыкина. Теперь только напомним, что мужское население в Бавыкине незначительно, т. к. все почти мужчины {живут в Москве, где} занимаются различными ремеслами, поэтому, естественно, большая часть моего матерьяла записана от женщин. Весь матерьял, собранный мною, состоит из песен хороводных, величальных, игровых, сатирических и частушек, затем сказок, загадок, заговоров и причитаний» [2, 111]. Заметим, что в разных письменных фиксациях (в полевых тетрадях и позднейших перебелённых записях) П. Г. Богатырёв относил июнь, июль и половину августа то к 1914, то к 1915 г. То ли эта путаница произошла в связи с многократным переписыванием тезисов доклада, основанных на экспедиционных заметках, то ли Богатырёв действительно весь летний сезон проводил в с. Бавыкино или хотя бы наездами бывал там в 1914 и 1915 гг.

Во-вторых, из неопубликованного «Отзыва о фольклорных материалах из Серпуховск[ого] уезда, доставленных П. Г. Богатырёвым» 11 июля 1919 г. Ю. М. Соколова следует, что Богатырёв возвращался в с. Бавыкино на следующий год, потому что профессор указывает 1915 г. как время записи сказки

¹ Фигурными скобками отмечены текстовые вставки, сделанные Богатырёвым поверх строки.

«Солдат и государь» и подчёркивает особенности предреволюционного времени, отражённые в тексте [12]. Экспедиционная деятельность Богатырёва в 1915 г. велась и в другом уезде Подмосковья — в Верейском (в конце мая — в июне, совместно с Р. О. Якобсоном и Н. Ф. Яковлевым) [17, 104].

Ныне с. Бавыкино Чеховского р-на Московской обл. находится в 55 км от Московской кольцевой автодороги (МКАД) по Симферопольскому шоссе. Название села связано с древнерусским именем *Бавыка*.

Неизвестно, почему П. Г. Богатырёв избрал с. Бавыкино местом базирования своей фольклорно-диалектологической экспедиции. Интересно, что неподалеку находится с. Мелехово с усадьбой А. П. Чехова (1860–1904) — драматурга, автора пьес «Иванов» (1887), «Чайка» (1895–1896), «Дядя Ваня» (1896), «Три сестры» (1900) и «Вишнёвый сад» (1903), а Богатырёв очень любил театр и впоследствии изучал народную драму славян.

В начале XX века село (деревня — по другим данным) Бавыкино было крупным населённым пунктом и являлось центром Бавыкинской волости, относившейся ко 2-му стану по административно-территориальному делению; ближайшая железнодорожная станция — Лопасня Московско-Курской железной дороги. В 1914 г. волостным старшиной в с. Бавыкино был И. П. Гуров, волостным писарем — крестьянин А. Т. Ескин [7, 398].

В 1914 г. в с. Бавыкино имелось Трудовое сельскохозяйственное общество крестьян Бавыкинской волости (председатель С. В. Жигулёв) — единственное в Серпуховском уезде [17, 382].

В 1912 г. при с. Бавыкино числился известковый завод Ивана Пантелеевича Гурова, на котором трудилось 12 мужчин; создан в 1890 г.; имел почтовый адрес: ст. Лопасня Московско-Курской железной дороги (своего почтового отделения в селе не было) [6, 180]. В «Памятной книжке Московской губернии на 1914 год» этот завод не значится, а его хозяин к тому времени стал волостным старшиной (см. выше).

Фольклорные записи П. Г. Богатырёва сделаны на отдельных простых и линованных листках (некоторые из них с оборванными краями), в тонких и общих школьных тетрадах в линейку; они находятся в двух московских государственных архивах — РГАЛИ и ГЛМ — и представляют собой черновики и чистовики соответственно, причём выполненные в разное время — в период с 1914 по 1919 г. В 1918 г. П. Г. Богатырёв окончил Московский университет, недолго работал в Наркомпросе и в 1919 г. стал ассистентом кафедры русской литературы Саратовского университета, возглавляемой молодым профессором из Москвы Б. М. Соколовым.

Возникают текстологические вопросы о принадлежности публикуемых материалов П. Г. Богатырёву и об их датировках, чему мы уделим особое внимание.

В РГАЛИ [11] хранятся фольклорные материалы, присланные в адрес Государственной академии истории материальной культуры (Московское отделение). Их авторство ошибочно приписывается В. С. Евлаху, исходя из пометы на одной из тетрадей. Это 3 общих линованных тетради по 18 лл. в тёмных обложках (тёмно-коричневого цвета с декоративными розово-красными мелкими пятнами разного размера — от 1,5 до 5 мм) из тонкого картона; 3-я тетрадь не имеет обложки.

Принадлежность этих тетрадей П. Г. Богатырёву устанавливается по трём факторам. Во-первых, по четырём надписям на 1-й тетради:

1) на тёмной пёстрой обложке находится авторская надпись «Богатырёв» в окружении пяти цифр — «2», сделанная простым карандашом, видимая только при определённом угле зрения (РГАЛИ. Тетр. 1) [11];

2) сверху оборота листа (л. 12 об.) прочитывается подпись «П. Богатырёв», исполненная фиолетовым карандашом; фамилия закрашена тем же карандашом, но легко прочитывается;

3) сверху листа (л. 24) чёрными чернилами (потом поблёкшими) нанесена надпись — «Богатырёв», слева от надписи нарисован орнамент наподобие половинки солярного знака (солнечной розетки);

4) на внутренней стороне 2-й обложки (л. 34а) имеются надписи чёрными чернилами — «П. Богатырёв» и «П. Б.» — среди рисунков (мужских профилей и поясного портрета офицера).

2-я тетрадь также принадлежит П. Г. Богатырёву. На передней обложке 2-й тетради есть авторская надпись — «П. Богатырёв», ниже изображена ёлочка, вписанная в равносторонний вытянутый вверх треугольник (ср.: в тетради записана свадебная песня «Ёлочка»). Справа нарисован незавершённый контур мужского лица. Значительно ниже ещё раз продавлена простым карандашом подпись — «Богатырёв».

На задней обложке 2-й тетради простым карандашом также сделана владельческая подпись — «П. Богатырёв», читающаяся под определённым наклоном (слева от подписи имеется незаконченный контур мужского лица, всюду начертаны произвольные волнистые линии).

В 3-ю тетрадь вложены 2 маленьких листочка — четвертушки линованной тетрадной страницы (л. 103–104 об.) с 9-ю подписями «П. Богатырёв». На первом листочке (л. 103 об.) содержится 5 однотипных подписей, на втором (л. 104 об.) — четыре. Лишь одна подпись похожа на подлинную (л. 103 об.), остальные слишком витиевато выписаны, с более сильным нажимом грифеля простого карандаша: возможно, какой-то человек тренировался в подделке подписи или сам юный Богатырёв разрабатывал начертание своей подписи, чем можно объяснить и наличие остальных авторских подписей на всех тетрадях.

Во-вторых, принадлежность этих тетрадей П. Г. Богатырёву доказывается сходством почерков — в сопоставлении с атрибутированными тетрадями этого собирателя из архива ГЛМ. В тетрадях РГАЛИ часто наблюдается беглый почерк, свидетельствующий о стремлении Богатырёва успеть записать со слуха ценную информацию в полевых условиях.

В-третьих, принадлежность тетрадей П. Г. Богатырёву удостоверяется единым принципом ведения записей (с учётом палитры карандашей — фиолетового для основного текста, синего и зелёного — для зачёркивания, а также с использованием чёрных чернил для беловых помет и записей). В тетрадях РГАЛИ записи выполнялись фиолетовым карандашом (это удобно в полевых условиях) и далее неотчётливо записанные слова и фразы дополнительно обводились простым карандашом, дополнения делались чёрными чернилами. В том числе справа и слева сверху на свободном пространстве проставлялись фамилии и имена исполнителей — опять же чёрными чернилами и, вероятно, по памяти.

В тетрадах РГАЛИ (по крайней мере — в 3-й тетради) Богатырёв иногда применял ластик: некоторые неточно записанные простым карандашом строки стёрты собирателем и на этих же местах вновь начертаны уже правильно расслышанные строки (однако следы от стирания остались).

В тетрадах (РГАЛИ) нет словесных портретов сказочников и характеристики села, нет сравнений со сказками из собрания А. Н. Афанасьева и нет аналитического разбора особенностей местного говора; очевидно, эти описания и теоретические намётки П. Г. Богатырёв делает позднее уже в других тетрадах (утраченных?), готовясь к докладам в ОЛЕАЭ. В тетрадах (ГЛИМ) имеются аналитические наброски с описанием села Бавыкино, с характеристиками сказочников, с сопоставлением записанных сказок со сказочными текстами А. Н. Афанасьева. Это было необходимо Богатырёву для запланированных докладов в ОЛЕАЭ и показывает более позднее происхождение тетрадей (ГЛИМ).

В самом начале 1-й тетради (РГАЛИ) начертано простым карандашом: «А. ван Женнепп <Геннеп>. Директор Этнографического обозрения. Образование легенд». Речь могла идти о книге «Формирование легенд» («La formation des Légendes»), 1910, написанной Арнольдом ван Геннепом (нем. Arnold van Gennep, 1873, Людвигсбург, Королевство Вюртемберг — 1957, Бурла-Рен, Франция) — известным французским фольклористом и этнографом, президентом общества французских этнографов (1952–1957), основателем ряда этнографических изданий: «Журнал этнологических и социологических исследований» («Revue des Études ethnographiques et sociologiques»), «Журнал по этнографии и социологии» («Revue d'ethnographie et de sociologie»), «Живой фольклор» («Folklore vivant»), «Новый журнал о народных традициях» («Nouvelle Revue des traditions populaires»).

Кроме указанной выше книги, Богатырёв мог обратиться к книге А. ван Геннепа «Религии, нравы и легенды» («Religions, Méurs et Légendes», vol. 1 — 1908, 2 — 1909, 3 — 1911, 4 — 1912, 5 — 1914).

В 1912–1915 гг. А. ван Геннеп преподавал в университете в швейцарском городе Невшатель и заведовал кафедрой этнографии, а также занимался реорганизацией местного музея и инициировал созыв Первого конгресса этнологов [4, 180–196].

Чуть ниже на 1-й тетради простым карандашом Богатырёвым сделана запись: «Париж. Василий Степанович Евлахов» (фамилия подчёркнута), нижняя половина листа оборвана. Возможно, это фамилия преподавателя Варшавского университета [13, 179].

Далее на лл. 2–8 об. простым карандашом записаны «Предисловие» и «Вступление» и упомянут «этот том» (т. е. том Арнольда ван Геннепа), идут суждения о генезисе легенд и сказок. Чёрными чернилами внесены исправления в текст. Наиболее вероятно, что Богатырёв готовил перевод научного труда Арнольда ван Геннепа с французского на русский язык (до сих пор полного перевода нет). В рукописи Богатырёва имеется текст чернового перевода (с сохранением отдельных терминов по-французски) упомянутых «Предисловия» и «Вступления» труда А. ван Геннепа.

В 3-й тетради (РГАЛИ) помещены записи П. Г. Богатырёва о былинах, исполненные чёрными чернилами мелким почерком. Вероятно, это конспект

лекции (может быть, проф. М. Н. Сперанского) в Императорском Московском университете:

«А. Марков. Бытовые черты рус[ских] былин. Введение.

I. Время сложения былин.

II. Место сложения былин» [11, 96].

Через две страницы размещена запись о монографии, которую, вероятно, профессор рекомендовал своим студентам: «Сперанский [М. Н.]. История русской народной словесности» [11, 98 об.]. Также вероятно, что это название университетского курса лекций.

Упомянутый труд проф. М. Н. Сперанского (1863–1938) по фольклору был опубликован в 1917 году: *Сперанский М. Н. Русская устная словесность: Пособие к лекциям на Высших женских курсах в Москве*. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1917. — VI, 474 с. Фолиант включает разделы «Введение в историю устной русской словесности» и «Устная поэзия повествовательного характера», библиографию «Из литературы по устной словесности» (с. 458–467). В 1913 г. было литографическое издание этого курса в его первом варианте. Следовательно, Богатырёв мог сделать запись с упоминанием М. Н. Сперанского в те же 1914–1915 годы, когда совершал экспедиции в с. Бавыкино Серпуховского уезда, или даже ранее.

В 3-й тетради (РГАЛИ) имеется запись Богатырёва о сказке как жанре. Очевидно, это конспект лекции профессора университета (может быть, проф. М. Н. Сперанского): «Сказка. Изучение её трудно: 1) материал велик; 2) подвижный матерьял, как по отношению к форме, так и к содержанию; 3) отличается большой сложностью и разнообразием источников. Анти Аарне думал сгруппировать сказки по одинаковой заранее установленной схеме.

Больте и Поливка отрицают группировку по заранее установленной схеме.

Сказки о животных, может быть (густо зачёркнуто. — Е. С.), известны в “Шестодневе”, “Физиологе”, может быть, русские сказки отсюда заимствованы. Сказки XVI и XVII вв. — “О ярыжке Барме”, “О Ерше Ершовиче” — бюрократич[еские] суды XVII в., “О Шемяке”. Бояр[ин] Дмитр[ий] Шемяка — 15 в., хотя фабула этих сказок не русская.

Пыпин [А. Н.] История русской этнографии» [11, 100 об. — 101 об.]. См. об этом в учебнике М. Н. Сперанского (1917) [14, 392–393, 400].

П. Г. Богатырёв зафиксировал название научного труда: *Пыпин А. Н. История русской этнографии*: В 4 т. СПб: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890–1892. Упомянул точку зрения финского учёного Анти Аарне, отражённую в его систематике сказочных сюжетов: *Verzeichnis der Märchentypen mit Hilfe von Fachgenossen ausgearbeitet von Antti Aarne*. Helsinki, 1910 (FFC № 3). Напомним, что Финляндия тогда входила в состав Российской империи.

Со студенческих лет П. Г. Богатырёв запомнит имя Й. Пóливки. Об Йиржи Пóливке (1858–1933) — чешском фольклористе, лингвисте, историке литературы — П. Г. Богатырёв позже напишет сжатую статью для «Краткой литературной энциклопедии» [5, 84]. Богатырёв покажет Йиржи Пóливку как представителя научной школы сравнительно-исторического изучения фольклора, профессора Карлова университета в Праге, члена Чешской Академии наук, члена-корреспондента АН СССР. Йиржи Пóливка воспринял идеи русских учёных А. Н. Пыпина, Н. С. Тихонравова, Александра Веселовского и финской школы в фольклористике (А. Крун), посвятил капитальные работы

славянской народной сказке (словацкой, чешской, южномакедонской). В пятитомном комментарии к сказкам бр. Grimm (*Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Bd. 1–5. Leipzig, 1913–1932*, комм. Больте — Поливка) ему принадлежат разделы о сказках славянских народов [18].

Также в 3-й тетради (РГАЛИ) Богатырёва упомянута сказка на сюжет СУС 254**=АА 254* («Ёрш Ёршович: ерша судят по жалобе леща; он смеётся над судьями») [15; здесь и далее в тексте — СУС]. «Повесть о Шемякином суде» была известна Богатырёву по «Памятникам старинной русской литературы, издаваемым графом Григорием Кушелевым-Безбородко» (В 4 вып. СПб.: Тип. Кулиша, 1860. Вып. 2. С. 405–406; с предисл. А. Н. Пыпина) [8; 10].

Обозначенный в конспекте сказочный сюжет «О ярыжке Барме» Богатырёв записал в 3-й тетради (РГАЛИ) под названием «Работник попа другой» — с контаминацией сюжетов и сюжетных мотивов: СУС 1525 А («Ловкий вор») + СУС 1525*Д («Ловкий вор обманывает прохожих (сообщников)») + СУС 1537*=АА*1537 I («Отрубленные ноги») + СУС 1740 («Свечи на спинах раков») + СУС 1737 («Поп в мешке»).

Конспект записи о сказках является у Богатырёва самым большим по объёму среди конспективных набросков лекций университетских профессоров. Ещё более объёмным является перевод Богатырёвым монографии Арнольда ван Женнепа (Геннепа) о сказках и легендах. Всё это (наряду с собственными полевыми записями сказок, составляющими преобладающую часть экспедиционных материалов) подчёркивает ведущий интерес Богатырёва к сказочному жанровому комплексу.

Тетради Богатырёва, хранящиеся в РГАЛИ, нельзя однозначно отнести к полевым тетрадям (к черновым записям), поскольку они включают перевод предисловия книги А. ван Женнепа (Геннепа) и конспекты лекций университетской профессуры, как уже было сказано. Причём указанные переводы и конспекты помещены в конце последней тетради, которая открывается фольклорными записями Богатырёва из с. Бавыкино. Следовательно, Богатырёв сначала записал сельский фольклор в этой и предшествующих тетрадях, а уже потом, в Москве, внёс в последнюю тетрадь переводы и конспекты лекций. Помимо преобладающих экспедиционных записей, в тетрадях Богатырёва имеются тексты, позднее переписанные набело с разрозненных листков: напр., описание свадьбы, а также содержатся рисунки (графические наброски).

Так, на обороте 1-й обложки (РГАЛИ, тетр. 1) имеется набросок простым карандашом мужчины с поднятым кулаком, развёрнутого в профиль, нарисованного по пояс, с надписью по дореволюционной (1917) орфографии — «В споре о войне» [1, 1]. На обороте первого полуоборванного листа сохранился карандашный рисунок бородатого мужчины в котелке и верхней двубортной одежде (низ листа оборван), а также схематичное изображение ещё одного лица (оно зачёркнуто), какого-то ящичка или коробки, цилиндра, полукруга, подобия меча и отдельных линий (л. 1а об.).

На внутренней стороне обложки 1-й тетради (РГАЛИ) [11, 34а] среди двух мужских портретов в профиль и поясного портрета офицера, нарисованных простым и фиолетовым карандашами с обводкой чёрными чернилами, помещено несколько записей. Вверху надпись простым карандашом: «Гурий». Под ней: «Рай и ад — Работник». Чуть ниже: «Прочитанья». Между двумя

нарисованными профилями написано фиолетовым карандашом: «Дьякон <—> заговор от бородавки» (слово «дьякон» подчёркнуто).

На 2-й тетради (РГАЛИ) [11, 56 об.] указан и обведён в рамку фиолетовым карандашом год, ставший экспедиционным почином Богатырёва и, к сожалению, началом Первой мировой войны:

1914.

Эту дату косвенно подтверждает подпись «В споре о войне» в 1-й тетради, начертанная к карандашному поясному портрету человека в профиль, с поднятой рукой (л. 1 об.), а также рисунок солдата (л. 34а).

В ГЛМ (Ф. 392) фольклорным записям П. Г. Богатырёва в с. Бавыкино отведено две архивные единицы: Ед. хр. 90 (беловики) и Ед. хр. 91 (собственно экспедиционные записи и, возможно, отдельные переписанные ещё вчерне тексты, предваряющие беловики).

Ед. хр. 91 (ГЛМ) состоит из трёх тонких школьных тетрадей в линейку, с розовыми обложками, а также из отдельных листков писчей бумаги и даже оборотов разорванных реклам. Две тетрадки одинаковые — с портретом Н. В. Гоголя, с эпитафией «Чуден Днепр при тихой погоде...» на обложке. Третья тетрадь — с портретом Н. А. Некрасова, с эпитафией «Играйте же дети, растите на воле...», с надписью фиолетовым карандашом: «Богатырев Пётр» [1 слово нрзб.]. Сверху обложки надпись: «И. Фролов. 1914», относящаяся к 10-летнему сказочнику и к году записи сказок от него.

Тексты во всех трёх тетрадях и на отдельных листах (ГЛМ) записаны фиолетовым карандашом (по дореволюционной 1917 орфографии), зачёркнуты синим или зелёным карандашом, имеют незначительные позднейшие вставки чёрными чернилами. На одном вырванном тетрадном листке в линейку записан текст чёрными чернилами чужой рукой.

Вероятно, тексты П. Г. Богатырёва в тетрадках (в отличие от текстов на листках) являются не изначальными экспедиционными записями, а переписанными текстами, однако ещё не беловыми рукописями, а неким промежуточным звеном.

Ед. хр. 90 (ГЛМ) представляет собой набор школьных тетрадей с беловыми текстами, записанными чёрными чернилами. Эти тексты — перебелённые экспедиционные записи П. Г. Богатырёва в с. Бавыкино. Среди планомерно переписанных целостных фольклорных произведений встречаются отдельные обрывки текстов (как будет показано ниже, по крайней мере одна фольклорная тетрадь Богатырёва отсутствует в коллекции ГЛМ — РГАЛИ).

Очевидно, переписывал набело сказки П. Г. Богатырёв преимущественно в саратовский период жизни, когда он жил в Саратове и работал под руководством Б. М. Соколова в 1919 г., но часто по делам приезжал в командировки в Москву. Об этом свидетельствуют однотипные наклейки на школьных тетрадях под номерами III–IV, VII, X–XI, схожие на тетрадях VIII, XII и подобные на тетрадях V–VI (ГЛМ) [2]. На тетрадях III–IV, VII, X–XI наклеены типографские белые наклейки с текстами синего цвета: «Школьные пособия. Чертежные и рисовальные предметы А. Е. Фекина. Склад школьных принадлежностей оптом и в розницу № 9а. Ильинская улица в Саратове. Письменные принадлежности Д. Королькова. Тетрадь учени ___ класса». На наклейке изображены глобус с перьями и бумагой слева и линейка с угольником и бумагой справа. Внизу указано: «Саратов. Лит[ография] Феокритова».

Все номера на чистовых тетрадах проставлены простым карандашом, а тексты записаны чёрными чернилами.

На тетради X начертано синим карандашом на обложке: «От этнографа Богатырёва?». И добавлено чёрными чернилами: «Серпуховского у.».

Можно предположить, что П. Г. Богатырёв переписывал экспедиционные тексты набело для сдачи их в архив Губсовдепа: на такую мысль наводит неопубликованный «Отзыв...» Ю. М. Соколова от 11 июля 1919 г. [12]. Дополнительным, хотя и косвенным, доказательством служит возможно наиболее полное копирование — почти без автоцензуры, которая могла бы сработать до Октябрьской революции 1917 г., когда официальной цензурой запрещалось высмеивать царя и священников, публиковать фривольные тексты. И всё-таки автоцензура была: оказались пропущенными описания физиологических отправления персонажей, игравшие важную сюжетную роль в сказочных концовках. Между тем П. Г. Богатырёв переписывал полевые материалы набело, по-прежнему используя букву «ять», отменённую реформой орфографии 1918 г.

На тетрадях VIII, XII на типографских наклейках стоит другой номер — № 8, остальное — текст и рисунки — совпадает. На наклейках тетрадей V–VI обозначены № 9 и адрес — Никольская улица, Архиерейский корпус.

Тетрадь без номера, следующая за тетрадью № XII, в клетку, в обложке синего цвета, имеет яркую трёхцветную (золотисто-чёрно-красную) наклейку с цветочками, с московским адресом: «Продажа письмен[ных] и чертежн[ых] принадлежностей. Москва, Варварка. Нижегородск[ая] ярмарка, Главн[ая] площадь. Торговый дом Преемники Я. А. Соловьёва». В тетрадь вложены отдельные двойные листы с молитвами к кресту, «Да воскреснет Бог», «Крест-хранитель», «Богородица Дево радуйся», к архангелу Михаилу. В самой тетради помещён «Сон пресвятыя владычицы нашея Богородицы и присно Девы Марии». Большая часть листов осталась чистой.

Далее идут отдельные двойные тетрадные листы под импровизированной обложкой из согнутого пополам листа писчей бумаги с надписью карандашом чертежным шрифтом — «Серпуховские материалы».

Следующая (предпоследняя) тетрадь с оторванной передней обложкой с наклейкой № 9, однако с иной картинкой и другим адресом: «Ильинская, д. Королькова». Справа вместо надписи «Письменные принадлежности» повторяется адрес с вариацией: «Ильинская, № 46. У». Внизу идёт продолжение адреса: «Митрофан[ьевская] площадь». Это площадь в Саратове.

Общая композиция наклейки сохранена, предметы на ней изображены те же, но изменилась рисовальная манера и появились новые шрифты. Пометы о литографии нет. Задняя обложка полинялого светло-фиолетового цвета, тетрадь в линейку и содержит одну сказку.

Последняя тетрадь в линейку, в обложке светло-фиолетового цвета, с наклейкой синего цвета: «Книжный склад Саратовского губернского земства. № 9/11. Учени ___ класса», с большим рисунком глобуса, ручек, пресс-папье с промокательной бумагой и книги (слева). В тетради помещён заключительный фрагмент сказки, начинающийся со слов: «<...> в руки и посмотрел рыбы и сказал попадьё: “Матушка, почелуемся ещо хыть”» [2, 129–130]. Это эротическая сказка о матушке, которая «заговорила не по-лютьськи немецким языком» (СУС 1358 С = АА*1730 IV: «Попадьё по-немецки заговорила»).

Первая тетрадь без номера, в линейку, в полинялой синей обложке, с наклейкой синего цвета с большим сложным рисунком учебной комнаты, с надписями: «№__ Учени__ класса». На наклейке написан московский адрес простым карандашом: «Малая Бронная, д. 24 кв. 17. Тимофеев». Под наклейкой содержится памятка: «Завтра до 1 часу или в 3–4 часа». В левом верхнем углу тетради простым карандашом указан другой московский адрес: «Б. Козицкий [переулок], д. № 10 кв. № 14». В левом верхнем углу имеется полустёртая надпись: «Возвращ. и 2 сравн. <...>».

Всего в ГЛМ хранится 13 тетрадями П. Г. Богатырёва и ещё отдельные листы с фольклорными записями. Вместе с 3 тетрадями из РГАЛИ на сегодняшний день известно общее количество тетрадями – 16.

Из неопубликованного «Отзыва...» 11 июля 1919 г. Ю. М. Соколова следует, что ему было известно общее число «тетрадок с записями сказок, анекдотов, песен, заговоров» — 13, причем студента-собирателя он именуется «специалистом-этнографом П. Г. Богатырёвым» [12, 1].

Как было сказано, Богатырёв скопировал почти все экспедиционные материалы, которые он потом зачеркнул вертикальной линией синим или зелёным карандашом: это зачёркивание удостоверяет проделанную работу по копированию, то есть по переписыванию набело. Отдельные маленькие тексты остались только в черновиках (они не перечёркнуты).

Очевидно, в двух архивах (ГЛМ и РГАЛИ) сохранилось большинство тетрадями, но не все, к сожалению. Об этом свидетельствует как отсутствие тетради IX (ГЛМ), так и наличие фрагментарных записей, в том числе фрагментов сказок: «Дудик», упомянутый текст про попадьё без начала (СУС 1358 С = АА*1730 IV: «Попадья по-немецки заговорила»). Также нумерация частушек идёт планомерно с № 39 по 61, однако имеется частушка № 5. Кроме того, в докладе для ОЛЕАЭ П. Г. Богатырёв называет «3 апокрифа: Богородицын сон, апокриф, известный под названием Ерусалимское письмо, и “О 12-ти пятницах”» [2, 113], указывает особенности записанных конкретных вариантов (лл. 113–114), но только первое произведение присутствует в его тетрадях.

В «Предисловии» А. Н. Пыпина к «Памятникам старинной русской литературы, издаваемым графом Григорием Кушелевым-Безбородко» (В 4 вып. СПб.: Тип. Кулиша, 1860–1862) П. Г. Богатырёв прочитал об огромной важности собирания устных и рукописных апокрифов:

«Другую подобную отрасль [помимо легенды] старой письменности представляют апокрифы, или, как называли их в старину, “ложные”, “отречённые”, “тайные”, “сокровенные” книги, роль которых в образовании старых понятий русского народа до сих пор вполне не обозначена»; и далее:

«Значительная часть “ложных” книг была заимствована древней Русью из источников южно-славянских и византийских: они доставляют таким образом важные данные для определения литературных отношений к Византии и для объяснения самих византийских памятников, по нашим “ложным” книгам восстанавливается в них многое, что до сих пор только подозревали учёные или даже считали потерянным» [10, без стр.].

Однако в начале XX века нужно было обладать большой смелостью, чтобы собирать народные апокрифы. Если в научных трудах и книжных собраниях настоятельно рекомендовалось записывать и изучать христианские апокрифы,

производился их анализ, то в популярных брошюрах, наоборот, звучал призыв игнорировать «ложные» книги. К примеру, в брошюре с провоцирующим названием «Слово мирянина к мирянам в опровержение ложного сказания, известного под именем “Сон Богородицы”» Л. Денисов (1912, переизд. 1914) безапелляционно утверждал:

«Апокрифами или ложными, отречёнными книгами (как их именовали в старину), называются такие безымённые произведения народной словесности, которые построены на библейских (ветхозаветных и новозаветных) свидетельствах и сказаниях, содержат в себе вымышленные подробности, часто искажающие и извращающие смысл библейского повествования. Многие из этих апокрифов возникли в первые века христианства и обязаны своим существованием пылкой фантазии восточных еретиков, известных под общим именованием манихеев или богумилов, впоследствии из Греции распространилась по Болгарии и Боснии. С принятием христианства нашими предками апокрифы из Византии через Болгарию проникли в Южную Россию, а отсюда постепенно, с расселением русского народа, продвинулись на север» [1, 3].

По материалам экспедиций П. Г. Богатырёв в 1914 и 1915 гг. сделал два доклада в ОЛЕАЭ, вызвавших пристальный интерес слушателей.

Уже вскоре после возвращения П. Г. Богатырёва из первой фольклорной экспедиции в с. Бавыкино в апреле 1914 г., примерно через 9 дней, «21 апреля 1914 года состоялось заседание Комиссии по народной словесности под председательством Председателя Комиссии Владимира Александровича Гордлевского», на котором было решено, что «к следующему заседанию доклад обещал приготовить П. Г. Богатырёв» [3, 35].

В протоколе № 29 заседаний ОЛЕАЭ отражено краткое содержание доклада П. Г. Богатырёва с откликами присутствующих: «16-го мая 1914 г. состоялось заседание Комиссии по народной словесности, под председательством В. А. Гордлевского. Присутствовали члены Комиссии М. С. Абрамова и Б. С. Абрамов, П. Г. Богатырёв, Н. В. Васильев, И. Ф. Голубев, Г. Г. Дингес, Е. А. Рябков, А. С. Якуб и секретарь Е. Н. Елеонская. По прочтении и утверждении был подписан протокол предыдущего заседания. Затем П. Г. Богатырёв сообщил результаты своих наблюдений в Серпуховском у. в селе Бавыкине. П. Г. Богатырёв имел возможность ознакомиться с певцами и сказочниками этого селения, от которых им и были записаны сказки и песни, прибаутки и детские считалки [считалки]. Сказки, записанные П. Г. Богатырёвым, представляют собою параллели ко многим сказкам, заключающимся в сборнике А. Н. Афанасьева, причём на них весьма заметен современный налёт, выражающийся в различных подробностях. Песни, записанные П. Г. Богатырёвым, разнообразны и позволяют убедиться в том, что народная поэзия ещё не иссякла. Между прочим, П. Г. Богатырёв упомянул о некоторых суевериях описываемой им местности; интересные сведения о знахарях и случаях порчи дал М. М. Щеголихин, живущий в Бавыкине и хорошо знающий местных жителей. По поводу сведений, сообщённых П. Г. Богатырёвым, некоторые из членов Комиссии обменялись мнениями и председатель, поблагодарив докладчика, выразил ему пожелание дальнейшей плодотворной работы» [3, 36–36 об.].

На заседании Комиссии по народной словесности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском

университете (ОЛЕАЭ) 16 октября 1914 г. как научное открытие прозвучало сообщение студента П. Г. Богатырёва о сделанных им в с. Бавыкино Серпуховского у. записях народных сказок и оригинальных наблюдениях над местными жителями, некоторые из них «отличаются умением передавать сказки» [3, 37 об.].

Председатель В. А. Гордлевский обратил внимание присутствовавших «на важность начатого Комиссией дела — собирания произведений народной словесности в Московской губернии, на трудности, сопряжённые с этим собиранием, и на то, что настоящие обстоятельства (1-я мировая война. — Е. С.) значительно препятствуют этой работе, и что материал, собранный летом, доказывает, что в Московской губернии можно будет успешно вести записи» [3, 37 об.].

В протоколе ОЛЕАЭ отмечено: «П. Г. Богатырёв, собиравший произведения народной словесности в с. Бавыкине Серпух[овского] у., сделал сообщение о своих записях. Им был записан целый ряд песен, несколько заговоров и сказок. П. Г. сделал интересные наблюдения над сказочниками с. Бавыкина, из которых некоторые отличаются умением передавать сказки. Запись заговоров была сопряжена с некоторыми трудностями, т. к. знавшие их лица не хотели сообщать их собирателю, но тем не менее П. Г. Богатырёв достал рукописные заговоры, которые, по сверке их с заговорами разных сборников, оказались довольно распространёнными. Между ними был “Сон Богородицы”» [3, 37 об. — 38].

Комиссия по народной словесности ОЛЕАЭ поручила П. Г. Богатырёву привести в порядок его записи для включения их в намечаемый фольклорный сборник Московской губ.: «Сообщение П. Г. Богатырёва возбудило обмен мнений среди присутствовавших; записи П. Г. будут им приведены в порядок и войдут в предполагаемый сборник Московской губ.» [3, 38].

Журнал «Этнографическое обозрение» (1915, №3/4) в разделе «Хроника. Отчёт о деятельности Этнографического отдела ИОЛЕАиЭ и состоящих при Отделе Музыкально-этнографической комиссии и Комиссии по народной словесности за 1914—1915 академический год» упомянул один из докладов П. Г. Богатырёва под 2-м пунктом, включая его в общую структуру сбора фольклора в Подмосковье членами Комиссии по народной словесности:

«В отчётном году работа Комиссии заключалась в собирании произведений народной словесности в Московской губернии... <...> Было прочитано одиннадцать рефератов. <...>

2. П. Г. Богатырёв: Запись произведений народной словесности в с. Бавыкине, Серпуховского уезда» [16, 147–148].

Успех фольклорной экспедиции П. Г. Богатырёва в с. Бавыкино был подготовлен участием начинающего собирателя фольклора в Комиссии по народной словесности при этнографическом отделе ОЛЕАЭ. На заседаниях Комиссии неоднократно сообщалось об экспедиции Б. С. Абрамова и М. С. Абрамовой в 1912 г. в Звенигородский у. Московской губ., чем, в частности, доказывалось наличие фольклора поблизости от Москвы [3, 16 об., 19 об.]. На заседании Комиссии в декабре 1913 г. обсуждался вопрос об издании сказок Московской губ. [3, 28 об.]. Тогда же и на предшествующих заседаниях неоднократно говорилось о географической карте произведений устного народного творчества и, в частности, о частушках [3, 21, 19 об.].

В протоколе № 25 от 15 января 1914 г., в частности, отмечено: «Ю. М. Соколов ознакомил собрание с материалом по народной словесности, доставленным ему его ученицами воспитанницами Московских гимназий. Материал этот состоит из песен и сказок, записанных в Тульской, Калужской и Рязанской губ. Песни преимущественно обрядовые — свадебные. Сказки на известные сюжеты, но с интересными бытовыми и современными подробностями. Познакомив с материалом, Ю. М. указал на то, что если подобные записи и не могут удовлетворить в диалектологическом отношении, они имеют свою ценность, как отмечающие и сохраняющие те или другие черты действительности, а также и направление народной фантазии» [3, 29]. Тогда же, в начале 1914 г., Б. М. Соколов сообщил о «темнике», то есть о реестре тем сказочного сборника [3, 30 об.].

Помимо сказок П. Г. Богатырёв зафиксировал в экспедиции и переписал набело произведения таких жанров, как причитания («плачи по покойнику»), песни (разных жанровых разновидностей), частушки («прибаутки») и «прибаутки», «стишки в письме», считалки, загадки, былички (без обозначения жанра) и устные мемораты («быль»), раёк, заговоры и даже апокриф «Сон Богородицы» («Сон пресвятыя владычецы наша Богородицы и присно Девы Марии»; он же «Молитва Пресвятей Богородицы (старообр.) вроде акафиста»; «Богородицын сон»), также дал описание свадьбы и свадебную приговорку.

Жанровый состав записанных П. Г. Богатырёвым фольклорных произведений и его помета в скобках «Молитва Пресвятей Богородицы (старообр.) вроде акафиста» показывает, что собиратель фиксировал фольклор от православных крестьян ортодоксального вероисповедания и от старообрядцев и чётко улавливал конфессиональную принадлежность произведений устного народного творчества. В частности, апокриф «Сон Богородицы» записан от старообрядцев.

В Серпуховском уезде официально была признана Глазовская старообрядческая община, зарегистрированная 6 июня 1907 г. и находившаяся в дер. Глазово Высотской вол. Очевидно, эта старообрядческая община имела собственную церковь, поскольку известен в 1914 г. церковный староста — крестьянин А. С. Баранов; председателем общины был крестьянин П. М. Финогенов, настоятелем — Т. Н. Рязанов, псаломщиком — Е. Т. Рязанов [7, 380, 484].

К сожалению, путь попадания рукописного сборничка с «Молитвой Пресвятей Богородицы (старообр.) вроде акафиста» в руки П. Г. Богатырёва неизвестен и мог не иметь ничего общего с глазовскими старообрядцами, однако исключать такой вероятный источник нельзя.

Справа от частушки под № 35 «Эх, [к] играй-играй, гармошки...» с персонажем-старовером — «Палюблю я старавера — // Он замолит все грехи» Богатырёв сделал надпись «В окрестностях есть староверы».

Приведённый текстологический анализ фольклорных тетрадей П. Г. Богатырёва с экспедиционными записями из с. Бавыкино в 1914–1915 гг. даёт возможность точно атрибутировать и датировать ценные тексты, продемонстрировать полноту и разнообразие бытовавших жанров, подчеркнуть вариативность произведений даже в одной локальной традиции и, в итоге, показать комплексный характер экспедиции в плане «монографического описания» села.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Денисов Л.* Слово мирянина к мирянам в опровержение ложного сказания, известного под именем «Сон Богородицы». М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1914. 48 с.
2. Государственный литературный музей (ГЛМ). Ф. 392 (Фонд П. Г. Богатырёва). Ед. хр. 90.
3. Протоколы Комиссии по народной словесности при этнографическом отделе ОЛЕАЭ. 1911–1916 // ГЛМ. ФА. Инв. № 23/1. Ед. хр. 1.
4. *Иванова Ю. И.* Послесловие // Геннеп ванн А. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 1999. С. 180–196; 2-е изд.: 2002.
5. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М.: Советская энциклопедия, 1968. Т. 5. 976 стб. // <http://feb-web.ru/feb/kle/kle-abc/ke5/ke5-8441.htm> — код доступа 05.05.2015.
6. Памятная книжка Московской губернии на 1912 год / Под ред. Б. Н. Пенкина. М.: Губ. тип., 1911. 700 с.
7. Памятная книжка Московской губернии на 1914 год / Под ред. Б. Н. Пенкина. М.: Губ. тип., 1913. 778 с.
8. Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко: в 4 вып. СПб.: Тип. Кулиша, 1860. Вып. 2. 484 с.
9. *Пытин А. Н.* История русской этнографии: в 4 т. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1890–1892.
10. *Пытин А. Н.* Предисловие // Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко: в 4 вып. СПб.: Тип. Кулиша, 1862. Вып. 3–4. Без стр.
11. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1547 (Фонд ГАИМК). Оп. 1. Ед. хр. 88.
12. *Соколов Ю. М.* Отзыв о фольклорных материалах из Серпуховск[ого] уезда, доставленных П. Г. Богатырёвым. 11 июля 1919 г. // ГЛМ. Ф. 392. Ед. хр. 92.
13. *Соколов Ю. М.* Путевые заметки Ю. М. Соколова «Поездка в Рязань — Ряжск — Саратов». VIII–1920 // Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 38. Ед. хр. 74.
14. *Сперанский М. Н.* Русская устная словесность: Пособие к лекциям на Высших женских курсах в Москве. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1917. — VI, 474 с.
15. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Барга, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 438 с.
16. Хроника. Отчёт о деятельности Этнографического отдела ИОЛЕАиЭ и состоящих при Отделе Музыкально-этнографической комиссии и Комиссии по народной словесности за 1914–1915 академический год // Этнографическое обозрение. 1915. № 3/4. С. 147–148.
17. *Якобсон Р. О.* О русском фольклоре (1975) // Якобсон Р. О. Язык и бессознательное. М.: Гнозис, 1996. 245 с.
18. Anmerkungen zu den Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm. Bd. 1–5. Leipzig, 1913–1932.